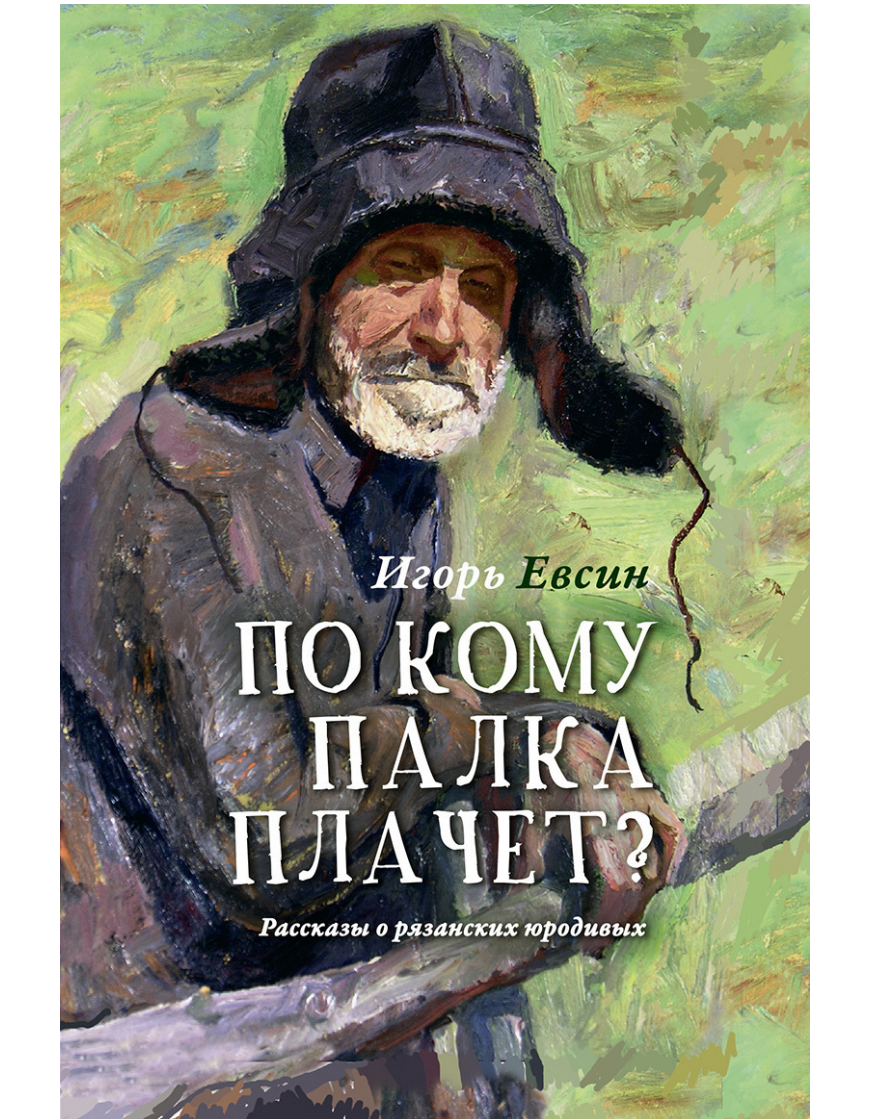

An impressionistic oil painting of a man with a white beard and mustache, wearing a dark fur hat with earflaps. He is looking slightly to the right with a somber expression. The background is a mix of green and yellow brushstrokes. The text is overlaid on the lower half of the image.

Игорь Евсин

ПО КОМУ
ПАЛКА
ПЛАЧЕТ?

Рассказы о рязанских юродивых

Игорь Васильевич Евсин

По кому палка плачет? Рассказы о рязанских юродивых

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54320933

*По кому палка плачет? Рассказы о рязанских юродивых: Срепенский
монастырь; Москва; 2016
ISBN 978-5-7533-1619-6*

Аннотация

«Прочитав книгу Игоря Евсина “По кому палка плачет?”, читатель сможет увидеть, насколько богата была наша земля праведниками, насколько высок подвиг юродства Христа ради и насколько чисты души юродивых, – отметил в своем вступительном слове известный московский пастырь, церковный писатель, протоиерей Артемий Владимиров. – Читая эту книгу, мы еще раз убеждаемся, что нет ничего более таинственного, непостижимого и вместе с тем прекрасного, чем святая человеческая душа!»

Для массового читателя.

Содержание

Мудрость змеи и кротость голубя.	5
Вступительное слово	
От автора	11
Глава 1. Надо ли птичкой становиться?	12
Позорище человеков	13
Не царствуй лежа на боку	28
Надо ли птичкой становиться?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Игорь Евсин
По кому палка
плачет? Рассказы о
рязанских юродивых

© Евгений Шибанов, 2016

© Игорь Евсин, 2016

© Сретенский монастырь, 2020

Мудрость змеи и кротость голубя. Вступительное слово

Как солнечный свет являет себя в семицветье радуги, так и Божественная благодать, опочив в сердцах избранников Христовых, обнаруживает свое присутствие в просвещенной мудрости юродивых праведников. Предвидение будущего, вещее и меткое слово, умение не унывать в самых сложных обстоятельствах, сохранять бодрость духа и живость сердца среди всеобщей апатии и ободрять унывающих, сострадать ближнему, смиряться перед Богом вплоть до желания оскорблений, гонений и даже побоев Христа ради – вот далеко не полный перечень духовных достоинств, которыми блистают души героев книги Игоря Евсина «По кому палка плачет?».

Юродство Христа ради имеет свои степени, градации, полутона, и в разных людях оно проявляется по-разному. Но есть что-то общее в подвиге юродства. Что же объединяет этих необычных подвижников, обретших нравственное совершенство после упорной, изнурительной борьбы со своими страстями? Борьбы, в которой иногда бывали и поражения, но которая в конечном счете заканчивалась победой христианского духа над бранным телом и страстными помыслами.

Прежде всего юродивых объединяет то, что они подобны благородным рыцарям. Юродство – лишь доспехи, оберегающие их сердца от раскаленных стрел лукавого, от дурных влияний мира сего, во зле лежащего. А кроме того, юродство – это ладонь, бережно прикрывающая свечу сердечной молитвы, дабы ее огонек не погас от вмешательства страстного мира, как от порыва буйного ветра.

Юродивым свойственно искусство употребить вовремя шутку, прибаутку и даже острое словцо с целью уйти от ненужного, от бесполезного и даже душевредного разговора. И этим искусством пользуются мудрые христиане. Слово или действие, подчас неожиданное, непредсказуемое, выходящее за рамки светских условностей, цель которого – ободрить огорченного, поставить на место дерзкого, воодушевить малодушного. Эти элементы юродства присутствуют и в современном христианском сообществе. Граничит с юродством и продиктованное Евангелием поведение: молчание в ответ на озлобленные выпады недругов, встречный вопрос на вопрос, заданный с лукавым умыслом, язык притчи, иносказания, аллегории, к которым обращаются в сложных ситуациях.

Мудрые духовники поучают о жизни среди мирян: «Будешь хорошим (наивным, доверчивым, бесхитростным) – съедят. Будешь плохим (самонадеянным, замкнутым, грубым) – заплуют». Христианин должен держаться золотой середины. Иметь мудрость змеи и кротость голубя. То есть

одновременно быть невозмутимым и приветливым, мужественным и добрым, скромным и назидательным, но не навязчивым...

Высокодуховные старцы дают иногда такое необычное наставление: «С лукавым – по-лукавому». О том же говорится и в Псалтири: *С милостивым Ты поступаешь милостиво, с мужем искренним – искренно, с чистым – чисто, а с лукавым – по лукавству его, ибо Ты людей угнетенных спасаешь, а очи надменные унижаешь* (Пс. 17, 26–28). То есть с человеком злонамеренным, желающим тебе вреда, не грех быть хитрым, чтобы разрушить его козни.

Современный мир становится все более агрессивным. Алчность, желание иметь как можно больше земных благ, пребывание в плотских страстях – вот свойства сегодняшнего общества. И чтобы жить в этом мире достойно, современные христиане должны изыскивать особые формы поведения, уметь говорить особым языком, для того чтобы отстоять свой духовный суверенитет. И в этом им могут поспособствовать элементы юродства, которые, не нанося другим оскорблений, помогут опровергать голословные обвинения, разоблачать лесть, а если кто-то стяжал евангельскую любовь к ближним, то назидать и обличать. Но, повторюсь, если он стяжал истинную, евангельскую любовь, о которой апостол Павел пишет так: *Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто* (1 Кор.

13, 2).

Однако далеко не всем дано понять значение подвига юродства. По большому счету мир ненавидит юродивых, гонит их и преследует, потому что считает безумными за отказ от земных удовольствий. Мир унижает и оскорбляет юродивых, потому что они мешают миру спокойно предаваться плотским страстям и утехам. Еще апостолов, проповедовавших превосходство духовного над плотским, считали за ненормальных людей. Апостол Павел так писал про учеников Христовых: *Мы сделались позорищем для мира... – Даже доньне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся... – мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доньне* (1 Кор. 4, 9, 11, 13).

Но почему же в последующих веках, когда уже было утверждено христианство, юродивые своими речами и поступками сами добивались того, чтобы люди считали их за умалишенных? Чтобы презирали и даже избивали? Потому что они всегда помнили, что Сам Христос подвергался надругательствам и избиениям. Оттого и не могут юродивые предаваться земным радостям и утехам, что перед их глазами всегда стоит распятый Христос.

Но нам, современным христианам, все-таки надо знать, что подражать поведению юродивых не следует. Господь благословляет как возвышенную скорбь и страдания, так и невинную радость, и благочестивые земные утешения. Поэтому христианин должен держаться золотой середины и, как

уже говорилось, иметь мудрость змеи и кротость голубя. А особенно следует избегать лжестарцев и лжеюродивых. Настоящие Христа ради юродивые, в прямом смысле этого слова, сегодня вряд ли где-то существуют, ибо оскудела земля Русская праведниками, удостоившимися такой необыкновенной святости, которую необходимо скрывать под личиной греховности. Мне приходилось встречать уловленных тщеславием людей, выдающих себя за юродивых, ведущих себя эксцентрично, изрекающих туманные пророчества и дающих туманные ответы на духовные вопросы. Это лжеюродивые, произносящие речи от лукавого, помраченного ума своего. Они похожи на античных пифий или оракулов. И ведь находятся такие доверчивые простаки, что принимают их за юродивых Христа ради. Но нам следует помнить слова Самого Христа: *берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят* (Мф. 24, 4–5).

Но по Божией милости на Руси, как гласит русская пословица, не стоит село без праведника. Прочитав книгу Игоря Евсина «По кому палка плачет?», читатель сможет увидеть, насколько богата была наша земля праведниками, насколько высок подвиг юродства Христа ради и насколько чисты души юродивых. Читая эту книгу, мы еще раз убеждаемся, что нет ничего более таинственного, непостижимого и вместе с тем прекрасного, чем святая человеческая душа!

Протоиерей Артемий Владимиров, член Союза писателей

От автора

Эти рассказы написаны по жизнеописаниям главных действующих лиц и публикациям о них в православных журналах и газетах. Дополнены они авторскими изысканиями и записанными им народными преданиями. Имена большинства персонажей (не главных) – авторские.

Эта книга – не жизнеописания рязанских юродивых. Однако написана она по реальным фактам их жизни и деяний. Надеюсь, что книга будет не только интересной, но и душеполезной для читателей.

Глава 1. Надо ли птичкой становиться?

Рассказы о юродивых XIX века

Позорище человеков

Весна в Нижегородской губернии была нечаянно-ранней. Савелий Иванович Круглов, сидя за столом, утирал со лба капельки пота. За окном его добротной крестьянской избы, словно оперенье селезня, бирюзовело предвечернее небо. Савелий, одетый в черный сюртук с крупными коричневыми пуговицами, похожими на майских жуков, чаевничал вместе с женой Анной и сельской свахой-сводницей Марфой Коротковой. С улицы слышалась задорная частушка деревенских девок:

*Как под яблонькой густой
Парень спит один, глупой,
Парень спит один, глупой,
Неженатый, холостой.*

— Это они, кажись, про нашего Николку прибаутку сложили, — задумчиво промолвил Савелий. — Надо ж, забодай их комар, какие умелицы! А ведь сколько раз я ему хороших невест находил. Да вон хоть бы и Клавка Кафтанова. Уж из какой доброй семьи девка! Дом — полная чаша! Я к сватовству-то уж как попотел, только чтоб их ублажить. Подарков накупил: пуховый платок оренбургский для Клавки, и водочки чистой, смирновской, для отца ее, и пряничков тульских для матери. А наш оглоед взял да перед самым сватовством

эти подарки в печке сжег! Даже пряники не пожалел, а ведь он сладкоежка, да еще какой! Вот уж не думал, что с ним столько забот будет. Рос тихим, кротким как овечка. Мать с детства по святым местам его водила, послушанию учила.

– Да уж, батюшка Савелий, свет Иванович, – малиновым голоском пропела Марфа, отхлебнув из блюдца душистый мятный чай, – это работа не бывает без заботы, а забота и без работы находится. Вот и у тебя с Колькой хлопоты. И никуда ты от них не денешься. Он вырос и должен уметь хозяйствовать. Но если девка незамужняя остается с непокрытой головой, то парень неженатый – с непокрытой избой.

Анна молчала, зная, что за непутевость сына Савелий держит на нее камень за пазухой. А в чем он непутевый-то? Только в том, что жениться не хочет. Вот Савва говорит, что из-за этого он на миру не в чести будет. Ну так что ж? Людям не в честь, зато Богу во славу наш Николка растет.

Но Круглов думал другую думу. Завтра благодаря Марфе должны прийти Кафтановы, надо их умиловить. Пожалуй, стоит молочного поросеночка нарезать. Баранинки на стол подать. Да водочки-смирновочки побольше. Может, сладится сватовство...

Из задумчивости его вывел какой-то странный петушиный крик за окном и вслед за тем – дикий гогот парней.

– Это еще что за потешки такие? – пробурчал Савелий и подошел к окну. Открыв створки, выглянул на улицу и действительно увидел потешающихся ребят и девок. А потеша-

лись они – Боже ж ты мой! – над Николкой, его сыном. Этот оглоед укутался в бабий платок и, подпрыгивая на одном месте, во всю глотку орал петухом! Позор! На всю округу позор! Кафтановы теперь ни за какие коврижки дочь за него не отдадут.

– Да что ж это такое! – вскричал Савелий. – Этого юрода ни в пир, ни в мир, ни в люди вывести нельзя!

Анна, поняв, в чем дело, охнула, привстала и тут же села. Опять привстала и опять села, словно ноги у нее отнялись.

– А все ты, Анька-встанька, виновата, – заметив телодвижения жены, грозно заговорил Савелий. – Затаскала его по монастырям, где богомольцы с придурью шляются. Насмотрелся он на них и стал к стыду глух, как блудливый петух! Да ты, Анька, встань, потрудишься уж ради потехи-то. Посмотри, как на улице над нами гогочут: у богатого мужика уродила баба дурака!

Круглов сплюнул на пол и выскочил из дому. Марфа бросилась вслед за ним, метя по полу платьем, похожим на цветной веник.

Анна с протяжным вздохом встала, подошла к иконе Богородицы и, склонив голову, стала тревожно молиться о смягчении сердца своего мужа, который во гневе бывал страшен.

А тем временем Савелий Иванович подбежал к сыну, схватил его за шиворот, затащил во двор и, ударив прямо в лицо, сбил с ног. У Николки из носа красной струйкой медленно потекла кровь, но Савелий не унимался. Распалив-

шись, он стал бить сына ногами. Тот даже не пытался защищаться. Мало того, не издавал ни звука. Яро, с остервенением выплеснув свой гнев, Савелий сплюнул и ушел в темный, угрюмый амбар, где у него хранилась самогонка.

Анна, выбежавшая на шум, заплакала-запричитала:

– Ой, горюшко ты мое, почто ж ты папку до греха довел, почто мамку так огорчил!

Приподняв голову, Николка с трудом пролепетал разбитыми, опухшими губами:

– Не стану я жить, как папка говорит, а стану – как Бог велит. Кукарекать стану, лаять стану, скакать и прыгать, только б не жениться.

– Да что ж ты, сердешный, жениться-то не хочешь?

– Потому что Богу хочу угодить, а не жене.

Николка с трудом поднялся и, пошатываясь, побрел к колодцу. Обернулся к заплаканной матери, улыбнулся лиловой улыбкой и громко, чтоб отец услышал его из своего угрюмого амбара, весело воскликнул:

– Три судьбы – три беды! Одна беда – холостым остаться. Другая беда – жениться. А третья беда – что никто не пойдет за меня!

Савелий Иванович, с расстройства опрокидывая в рот третью стопку зеленой лихой самогонки, поперхнулся, вонючая жидкость попала в нос, и его затошнило. Он присел на корявый березовый стулок и, отдышавшись, посмотрел в открытую дверь. На дворе, у колодца, Николка смывал с лица

кровь.

«И в кого он такой? – размышлял Савелий. – Род Кругловых зажиточный, хозяйственный, крепкий своими семьями. Да и со стороны Анны ни вековушек, ни бобылей не было».

– Эй, оглоед, подь-ка сюды! – позвал он сына.

Николай утерся старым льняным рушником и, подойдя, встал в дверях, осторожно прислонившись плечом к косяку.

– Ну? – только и сказал он, икоса посматривая на топор, лежавший рядом с березовым стулком, на котором сидел отец.

– Заходи! Да дверь за собой закрой, – приказал Савелий.

Никола повиновался.

Анна, увидев, как сын, закрыв за собой дверь, зашел в амбар, со всех ног бросилась в избу и рухнула перед Казанской иконой Богородицы.

– Заступница Усердная, заступись за Николку! Спаси от гнева Саввы! Ведь покалечит он его, как пить дать, покалечит! Ты ведь Сама знаешь, каково матери бывает, когда сына калечат! Вразуми Савелия! Обрати его гнев на милость.

* * *

...Отец поговорил с сыном мирно. А ранним туманным утром Николай куда-то ушел. Савелий, разбудив другого сына, Ивана, сказал:

– Сегодня за двоих работать будешь.

– Это с какого лядя?

– А с такого, что Николка за нас молиться будет, а мы за него работать. И баста!

Запыленный, босой странник, водимый чуждым желанием, шел из Шацка по щекочущей босые ступни теплой песчаной дороге в Успенскую Вышенскую пустынь Рязанской губернии. Легка летняя дорога. Ласкова в полях шевелящаяся с каким-то тайным шепотком рожь. Чисты и непорочны цветущие богородичным цветом васильки. А ведь это сорные растения. Но у Бога и сорняки прекрасны! Идет странник и славит Создателя: «Слава Тебе, сотворшему небо и землю. Слава Тебе, сотворшему райскую красоту и по изгнании из рая не лишившему нас ее частички...»

– Мил человек, погодь-ка! – послышался из клокотистого придорожного куста грубый надтреснутый голос.

Странник остановился и увидел идущего к нему странного мужика со всклокоченной бородой, похожей на тот куст, из-за которого он вышел.

– Ты не на Вышу ли путь держишь?

– Да, к Заступнице нашей, Богоматери Казанской.

– Так и мне туда. Я из далёка иду, вот прикорнул под кустиком, а потом чую: путник по дороге ногами шебуршит. Тебя увидел, обрадовался. Вдвоем-то веселее идти, так ведь?

Путник промолчал. Было видно, что он не совсем согласен с таким утверждением. Мужик подошел к нему. Выгля-

дел он непонятно как — не то с похмелья, не то с жестокого недосыпа.

— Здорово, мил человек! — поприветствовал мужик странника. — Как тебя зовут-величают?

— Николкой кличут.

— Нет такого имени! — взъярился вдруг мужик, сверкнув глазами. — Коль поминаешь того, во имя кого назван, то поминай с уважением да еще прибавляй родителя, который тебе жизнь дал.

— Тогда, значит, я того... Николай Савельевич Круглов. Неожиданный знакомец нашего странника то ли улыбнулся, то ли покривился:

— А меня зовут Евпсихий, что значит благодушный.

Пути до Вышенской пустыни оставалось совсем немного, и Николай не очень огорчился соседством со странным Евпсихием, который всю дорогу старался доказать ему, что христианин должен каждый день переносить какие-нибудь страдания.

Когда же они прибыли в монастырь и Николая поселили в одной комнате вместе с Евпсихием, то на душе у него словно кошки заскребли. Хотелось хоть немного отдохнуть, но его новый знакомец продолжал горячо доказывать необходимость страданий.

— Христос страдал, — утверждал Евпсихий, — и мы должны страдать. Он претерпевал заушения и бичевания, и мы должны претерпевать. Ведь мы во Христа крестились, во Христа

и облещись должны. Сами должны стать Христом, и по Его слову создать внутри себя Царствие Божие.

– А может, мы должны не Христом становиться, а по силам Ему подражать? – осторожно возразил Круглов.

Что тут сделалось с благодушным Евпсихием! Отшвырнув в сторону сосновую табуретку, он заорал:

– Так ты, позорище для человеков, не хочешь стать Христом?!

Николай растерянно молчал.

– Отвечай, хочешь ли ты стать Христом?! – еще сильнее завопил Евпсихий.

Николай молчал, поняв, что имеет дело с каким-то сектантом, наверное, с хлыстом. А тот, еще пуще разъяренный молчанием, вдруг схватил валявшуюся на полу табуретку и ударил ею Николая прямо по голове! Несчастный закричал от боли, его слышали находившиеся в коридоре гостиницы паломники и стали стучаться в дверь, закрытую на крючок.

Но окостеневший в своей злобе Евпсихий, не обращая на это никакого внимания, набросился на Круглова и с какой-то болезненной горячностью бормотал:

– Вот, милоч, ты и становишься Христом. Помнишь, как Его палками по голове били? А сейчас я исполосую тебя плетью, как Его полосовали, а потом ребро проколю. А еще лучше – глаза твои совсем выколю.

Николай, оглушенный табуреткой, был не в силах сопротивляться. Но молча, про себя, взмолился Небесной Заступ-

нице: «Богородица, помоги! Твоему Сыну было больно, и мне тоже!» И вдруг крючок с двери слетел, в комнату ворвались мужики и связали «благодарного» Евпсихия.

Николай от его побоев слег. Не стонал он от боли, не жаловался никому. Только жалел, что на богослужения ходить не может. Лежа в кровати, вспоминал, как его избивал отец, как чудесным образом сменил гнев на милость и отпустил странствовать по святым местам, хотя и чуял родительским сердцем, что сын не вернется.

«И ради чего я терпел батюшкины побои?.. Ушел бы не спросясь, да и дело с концом. А может, у меня крест такой, который я должен нести... Коль подумать, то не мужики меня бьют, а бесы, что через них действуют...»

Через неделю нашел он в себе силы подняться и прийти в соборный Успенский храм Вышенской обители. Сильная головная боль не давала молиться, но Круглов знал, что в храме ему будет лучше, даже если он где-нибудь в уголке посидит на скамеечке. В храме всегда лучше...

После службы Николай, преодолевая головную боль, подошел к иконе своего небесного покровителя и прикоснулся к ней головой, тем местом, на которое пришелся удар табуреткой. Поднимаясь, он задел лампаду, висевшую пред иконой святителя. Она наклонилась, и немного лампадного масла пролилось Николаю на голову. И – вот чудо! – боль сразу прошла. Круглов вернулся в гостиницу, долго размышлял над исцелением и в конце концов дал Богу обет юродство-

вать. Лаять и кукарекать, как о том говорил и своим родителям.

Чудное желание странствовать подвигло Круглова в путь. Благословился он у игумении и отправился в Николо-Чернеевскую обитель. Шел по лесной, от синих теней деревьев узорчатой, расписной дорожке и размышлял о том, как был побит Евпсихием. А еще думал о странности своего желания. Он и сам не знал, чего хотел. Ощущение какого-то большого, важного дела, которое он должен был исполнить, но пока не исполнил, влекло его в дорогу. «Мало того что не сделал, да еще забыл, что надо сделать... – с горькой усмешкой думал Николай. – А может, Евпсихий мне память отбил? И чего он тогда так разъярился? В чем я был виноват?»

Много разных мыслей роилось в голове. И вдруг одна из них по-пчелиному зажужжала в ушах и больно-пребольно ужалила Круглова! «Лаять и кукарекать обещался и еще... еще...» И тут Николай Савельевич без памяти рухнул на землю.

Очнулся в крестьянской избушке, в которой кисло пахло овчиной. Около него возился согбенный, как вопросительный знак, мужичок.

– Очнулся, милоч. Ну и слава Богу. Ишь как тебя разбойники-то побили. Шваркнули по голове дубиной, сознания лишили. Думали хоть что-то найти у тебя в суме. А там только хлеб да вода... Хорошо, наши робята чернеевские заприметили нехристей и выручили тебя из беды. Так что бла-

годари помощника путников Миколу Угодника за спасение, обитель которого рядышком цветет-процветает.

– Я у Николо-Чернеевского монастыря на койке валяюсь?

– У него самого, милок, у него самого.

И тут Круглова осенило: «Так вот что я забыл сделать! Своего покровителя, святителя Николу, за исцеление на Выше поблагодарить! Я ж после исцеления опять обещался ку-карекать, лаять, скакать... Добре, добре, что дубина разбойничья меня вразумила да к Никольскому монастырю прибила».

И поселился Круглов в селе Старое Чернеево, у похожего на вопросительный знак крестьянина. По утрам и вечерам будил округу петушиным криком, а когда мимо его дома проходил злой человек, то начинал на него лаять. А праздничные крестные ходы встречал, как-то странно подскакивая.

Некоторые ругали его:

– Ты, Савельич, чего как козел скачешь? К чему перед народом позоришься?

А юродивый отвечал всегда одно и то же:

– От радости, мои милые, пляшу и скачу пред Господом моим, Который вместе с вами крестным ходом идет. А если кто-то такое дело за позор принимает – пусть! Я – позорище человеков!

Многие понимали Николая Савельевича, зная о скакании псалмопевца Давида пред Ковчегом Завета и помня слова из

посланий, что апостолы – позорище для человеков.

– Божий это человек, – говорили они, – блаженный...

А местный зажиточный крестьянин Семен Иванович, которого на селе звали попросту – Ваньч, относился к нему особенно тепло. Потому как на себе познал прозорливость Савельича. Однажды, прежде чем пойти в паломничество в Успенский Вышенский монастырь, зашел Ваньч к Савельичу.

– Богоугодное дело ты задумал, – сказал тогда ему Николай, – только дорогой не обижайся на тех, кто будет над тобой насмехаться. Помни: ты молиться идешь, причащаться. И не насмешники тебя будут смущать, а бесы, через них глаголющие. Бесы они на человека перед его причастием особо злы. Прямо как комары пред всеочищающим дождем благодати. А ты отмахивайся от них молитовкой «Господи, помилуй» и не обращай ни на что внимания. Иди куда идешь, в монастырь, значит, причащаться. Бог в помощь. Да... вот еще... обязательно возьми с собою сапоги!

Семен Иванович жалел свои сапоги. Как же! Новенькие они, внизу гармошкой, кожа с пупырышками. Но послушался он Савельича.

А по пути в монастырь ему действительно пришлось перенести насмешки, которые могли бы помешать умиротворенно причаститься. Но, вспоминая наказ юродивого, Семен не обижался. И молитовкой Иисусовой отгонял бесовские нападki, как комаров. Причастившись Христовых Таин и смыв

пыль и грязь со своей души всеочищающим дождем благодати, Семен Иванович пошел в обратный путь. А по дороге из Шацка попал он под простой дождь, вернее – под ливень, и ему оченьгодились сапоги, которые взял по совету Савельича.

Однажды Семен Иванович решил отправиться в Воронежскую губернию на заработки. Пошел к Николаю Савельевичу за советом.

– Что ж, – сказал ему тот, – дело доброе. Целых сто двадцать рублей заработаешь, да еще в монастыре побываешь. А я, кажется, к твоему приходу откукарекаю.

«Сто двадцать рублей... Хорош, хорош заработок...» – подумал Семен и отправился в путь. Устроился в Воронеже на работу, заработал за три месяца ровно сто двадцать рублей. А после расчета, возвращаясь домой, побывал в одном воронежском монастыре, где встретил прозорливого старца Алексия. Старец этот жил вне монастыря, в землянке, и выходил из нее редко. Но в тот день он не только вышел из землянки, а словно ждал кого-то и, завидев Семена Ивановича, поспешил ему навстречу. Познакомились, поговорили, и вдруг старец Алексей, показывая своей тросточкой в сторону Николо-Чернеевской обители, сказал:

– Знаю я, что живет там Николай. Всем Николаям Николай! Божий он человек, хоть и кукарекает. Только недолго кочетку осталось кукарекать.

Из Воронежской земли Семен Иванович пришел в сере-

дине апреля. И от крестьянина, у которого какое-то время жил юродивый Николай Савельич, узнал, что он в последнюю неделю Великого поста умер. Эта новость поразила его. Ведь Савельич был еще не старый.

– Такие вот дела, Ваньч, – рассказывал крестьянин. – Умер наш Николка. В монастырской келье почил. Я иногда заходил его поведать. Как посмотрю на него, так кажется, что все раны, все побои, что Савельич за свою жизнь претерпел, обрушились на него разом. Такие сильные боли у него были.

А в это же время в церквях страсти Христовы вспоминались. Вот ведь как... Страсти, неделя Страстная, и всю неделю в убогой келье от мучительных болей катался по полу раб Христов Николай. Страдал со Христом и умер со Христом. Да все какого-то Евпсихия поминал. Говорил, что сбылись, дескать, слова его. А в Великую Субботу исповедовался наш Николка, причастился; когда ж зазвонили к пасхальной заутрене, мирно отошел ко Христу. К Тому, ради Которого жил и страдал.

Юродивый Николай Чернеевский. Николай Савельевич. *Фамилия неизвестна. Род. в 1843 г. в Новгородской губ. в семье зажиточного крестьянина. С 1873 г. подвизался в подвиге юродства близ Николо-Чернеевского монастыря в с. Старое Чернеево Шацкого уезда Рязанской губ.*

Скончался 11 апр. 1881 г. (Здесь и далее даты до 1918 г.

по старому стилю. — Авт.) Погребен на приходском кладбище в Старом Чернееве. Вскоре кто-то на могиле юродивого Николая тайно поставил ему чугунный памятник с эпитафией:

*Желанием чудным водимый,
Оставил он семью и дом,
Повсюду странствуя, гонимый,
Он жил и умер со Христом.*

Не царствуй лежа на боку

Священник Алексей Преображенский сидел на резном крылечке своего дома и смотрел на улицу. Небольшое село окутывал вечер, мягкий и туманистый, как смутная дума осенней земли. Может, оттого настроение у отца Алексея было философское.

«Надо же, – размышлял батюшка, глядя на деревенские избы, – как одна из них от другой отличается. Наличниками, крылечками, коньками на крышах. Улица – у лица... Может, потому мы украшаем свои дома, чтоб они у лица соседей казались лучше, чем их жилища? К тому ж и себя приукрашиваем. Кто добродетелью, какая за ним не водится, а кто и просто так – одеждой...»

– Грязный оборванец, купи себе одежду, грязный оборванец, купи себе одежду! – услышал вдруг отец Алексей крики деревенских мальчишек.

Взглянув в ту сторону, откуда раздавались эти крики, он увидел, что по улице идут двое исправников и ведут связанного грубыми веревками грязного, бородатого, взъерошенного человека в рваной, подбитой ватой рясе. На груди его желтел деревянный, искусно вырезанный из липы священнический крест. Вглядевшись в этого человека, отец Алексей увидел в его облике знакомые черты. И крест... Станный крест. Помнится, такой же носил священник Феофилакт

Авдеев, у которого он учился в Коломенской духовной семинарии. Учитель из него был никакой, потому в 1808 году, кажется, этого горе-преподавателя уволили из семинарии... Но учащиеся очень жалели об этом, поскольку любили его за необычайную, отеческую заботу и доброту.

Присмотрелся отец Алексей повнимательнее к повязанному мужику. Точно! Этот грязный оборванец и есть тот самый священник. Бросившись к своему учителю, он смущенно заговорил:

– Феофилакт, батюшка, вы ли? Глазам своим не верю! Господа, – решительно обратился отец Алексей к исправникам, – освободите его под мое личное ручательство. Пусть он побудет у меня дома.

Служивые хорошо знали и уважали своего приходского священника и потому, немного потоптавшись, отпустили иерея Феофилакта Авдеева.

Один из них, Кирсан, похожий на бульдога, а по прозвищу Киса, сначала промурчал, а потом прорычал:

– Вы, батюшка, того... Поосторожней с этим придурком! Мы его за драку взяли. Напал на нашего рыночного торговца лубочными картинками. Стал его бить и кричать, что торговать клеенками, где бабы с голыми плечами намалеваны, то же самое, что торговать самими бабами. Но при чем здесь это? Лубок он и есть лубок.

– Смотрят на лубок, а думают про лобок! – закричал взъерошенный Феофилакт.

– Вот видите, – промурчал Киса. И рывкнул: – Придур-р-коватый он!

– Благословляю отпустить его! – решительно сказал отец Алексей.

Так иерей Феофилакт Авдеев оказался в доме своего бывшего семинариста, а ныне священника Алексия Преображенского.

В доме отца Алексия за чаем выяснилось, что Феофилакт давно уже почислен за штат, оставил жену, дочь и подвизался в Покровском Богородицком монастыре близ города Михайлова. Когда же отец Алексей начал расспрашивать его о жизни, юродствующий иерей не стал прикрываться мнимым безумием и поддержал беседу.

– Как же оставил ты служение священническое? – спросил его отец Алексей. – Ведь это долг твой. Законный долг...

– Так-то оно так... Только по милости Божией сподобился я благодать обрести. А благодать повыше долга будет, повыше закона. Вот она-то и подсказала мне, что надо делать, как жить.

– Так на ком же благодать может быть больше, чем на священниках, получивших ее в таинстве Священства? А ты, хоть и священник, правила священнические нарушил.

– Так-то оно так... А все ж на познавших любовь к людям и ко Христу благодать изливается поболее.

– А может, самомнения у тебя поболее, а не благодати? Как ты можешь нарушать правила, не боясь Бога прогневать?

– Так-то оно так... Только благодати без любви не бывает. А любовь все знает. Она даже знает, когда можно нарушить правила, по которым человек должен жить.

– Любовь к Богу у каждого христианина должна быть.

– Так-то оно так... Любить Бога каждый готов. А ты полюби-ка сначала своего ближнего. Грешника полюби. Ведь Господь пришел грешников спасти... Он за одну плохую овцу готов оставить сотню хороших. Хорошие и так спасутся, а плохие без Него погибнут.

– Значит, ты свое стадо оставил из-за одной паршивой овцы? А разве быть священником и любить грешников нельзя?

– Так-то оно так... Можно и не перетакивать. Только не для всех путь этот. А еще вот что... Не все могут кукарекать!

– Как это?

– А так. Ку-ка-ре-ку, не царствуй лежа на боку! – по-птичьи проголосил Феофилакт, подбоченьясь и прискакнув, как молодой кочеток.

Батюшка, как человек начитанный и знающий, что такое юродство, все понял. Феофилакт, кукарекая про царя, сказал, что не каждый может обличать в грехах влиятельных людей, говорить им правду в глаза, не боясь пострадать за это.

Не успел отец Алексей обдумать свое умозаключение, как в избу кто-то постучался. Матушка Аграфена Филлиповна тихо как уточка поплыла открывать дверь. В сенях послышалось шушуканье, после чего в горнице появился гость. Это

был диакон Вениамин. Важный человек. Когда он начинал в храме возглашать просительные ектении, то всем казалось, что он не просит, а требует, как генерал, исполнить его указы. И ходил отец Вениамин как высокий чин. Глянешь на него – ну никак не ниже полковника этот диакон! Зря некоторые подшучивали над ним, называя денщика-денщиакон. Генерал! Ну, на крайний случай, полковник...

– Здравсьте вам, – сказал важный диакон, заходя в дом Преображенских.

Увидев знакомого ему юродивого Феофилакта, он до того смутился, что из генерала превратился в завалящего денщика-денщиакона. Отец Алексей до того изумился этому, что встал навтыжку, как солдат, которому был дан приказ «смирно». А Феофилакт вдруг зафыркал:

– Фу, фу, уходи отсюда, Веня, уходи. Ты тридцать дымящих духов с собой приташил!

– Э, батюшка, ученый ты человек, а все в духов каких-то веришь, – сказал обиженный диакон Вениамин. – Учился ты, учился, да, видно, совсем заучился.

Вдруг юродивый иерей Феофилакт выскочил из-за стола и, схватив диакона за косичку, выволок его из избы, приговаривая:

– Не ходи солдат с косичкой в храм благословенный!

Важный гость не успел даже опомниться, как оказался на улице. Отец Алексей был просто ошеломлен и как статуя продолжал стоять навтыжку. А матушка Аграфена, наобо-

рот, нисколько не удивилась.

– Знаешь, батюшка, какое тут дело? – сказала она. – Вениамин мне сейчас сказал, что помещик его в солдаты отдает.

– В солдаты?! За что в солдаты? – заговорил, очнувшись, отец Алексей.

– Известно за что... За блуд. Он сейчас за помощью к тебе приходил. Ну чтоб ты за него похлопотал перед помещиком. А свой порок хотел скрыть. Только Феофилакт обличил его, непутевого. Да и то верно, разве можно блуднику диаконскую косичку носить да в благословенном доме, в храме Божиим, служить?

– Вот оно как... Да что ж Феофилакт не возвращается так долго? – забеспокоился отец Алексей.

– Он и не вернется, – ответила Аграфена, выглянув в окно. – Наш юродивый уже вон где – на краю села. Пошел странник в путь-дорогу...

Сев на лавку, матушка вздохнула тем вздохом сердобольной русской бабы, который может протянуться через бескрайнюю степь и взволновать широкую реку:

– Ий-ии-йэх-ма... Битый, загаженный людской молвою, а все ж Божий человек батюшка Феофилакт. Вот ведь... Живет наш юрод в нищете и поругании, и не важно ему, как жить. Лишь бы ко Христу поближе. Блаженно живет...

От изумления отец Алексей до того приподнял правую бровь, что она оказалась у него чуть ли не за ухом. «Эвон как заговорила...» – подумал он и рассеянно спросил.

– Как так? А где ж он ночует? Где зимует?

– Принимают его крестьяне. Потому как почитают. Частенько в михайловском Покровском монастыре останавливается.

– Юродивый священник в женском монастыре?

– А что тут такого? Там знают, что отец Феофилакт – Божий человек. Прозорливец. Вот, например, однажды монахиня Аркадия пригласила его чай пить. А он сахару всегда помногу ест. Сладкоежка... Матушка Аркадия искусилась. На чай-то пригласила, а когда он пришел, подумала: «Он сейчас, наверно, весь мой сахар поест-похрумкает». Тогда отец Феофилакт взял пустую тарелочку, молча встал из-за стола, вышел на улицу, а вскоре вернулся. В тарелочке были маленькие комочки снега, слепленные наподобие кусочков сахара. С этими снежными комочками он стал пить чай. И все молча, молча... Матушка Аркадия не знала, куда со стыда деваться. Зато как усердно каялась потом! С тех пор эта монахиня стала очень внимательно к помыслам относиться.

А еще я слышала, что отец Феофилакт монахиням во всем пример подает. Постоянно молится. Что бы ни делал, так все с псалмопением. Даже евангельскую притчу о блудном сыне поет. А особенно любит молиться ночью. Порой всю ночь на молитве простоит, а днем юродствует. Это, значит, для того, чтоб его за праведника не почитали. Уничижает он себя перед людьми.

– Матушка, – изумился отец Алексей, – ты про моего учи-

теля больше, чем я, знаешь! Откуда? И почему я узнаю о его праведной жизни в последнюю очередь?

– Батюшка, – изумилась в свою очередь матушка Аграфена, – кому ж, как не женщинам, первыми о праведниках узнавать?

– Но почему именно женщинам?

– Э, недогадливый... А почему именно женщинам открылось воскресение Христово? Да потому, что только они могли эту весть тут же разнести по всему свету.

– Эвон как... – проговорил отец Алексей и от изумления вновь приподнял бровь, только теперь уже левую, но она тоже оказалась у него чуть ли не за ухом. Вернув бровь на место, строго спросил: – А что ты еще знаешь, женщина?

– Ну о воскресении Христовом тебе и без меня все известно. А вот о смерти нашего двоюродного племянника Саши Гумилёвского ты еще не знаешь.

– Как не знаю? Я ж на его похоронах был!

– Да я не о том... Ведь Сашина смерть его отцу иереем Феофилактом предсказана была.

– Как это?

– Да так. Задолго до Сашиной смерти пришел Феофилакт к Гумилёвским и запел: «Со святыми упокой». А Иван-то, Сашин отец, подумал, что это он ему смерть предсказывает. Но батюшка, закончив петь, на эти мысли так ответил: «Что за дурь тебе в голову приходит? Ты ведь не маленький...» Сказал и ушел. Ну, прошло время, и маленький, восьмилет-

ний Саша умер. И если б не это предсказание, то неизвестно, как пережил бы отец неожиданную, внезапную смерть сына. Иван после похорон мне рассказывал, что как начинало у него сердце щемить, чуть не останавливаться, так он о предсказании вспоминал и успокаивался. «Сам Господь меня тогда посетил», – думал Иван. Тем и утешался.

– Вот это новость так новость. Что ж ты раньше-то молчала?

– Да я и сама только недавно узнала об этом.

Задумался отец Алексей и до поздней ночи размышлял о юродстве.

«Вот ведь как получается, – думал он. – Божии люди нас утешают, а мы насмеемся над ними, ругаем их, со двора гоним. Феофилакта бьют, Феофилакта в каталажку сажают, а мы радуемся – давно пора дурачка за решетку упрятать... Казалось, чего ему священником-то нормальным не быть? Его бы уважали, любили. Не потому ли, что даже желание заслужить уважение других он считает греховным делом? А мы, наоборот, всячески стараемся вызвать к себе уважение. И добрые дела ради этого делаем. А угодны ли такие дела Богу, если они делаются не ради Него, а ради того, чтоб тебя уважали?.. Да уж... Получается, что даже добрые дела могут быть небогоугодными. А вот юродивый Феофилакт знает только одно дело – бороться со своими страстями да со своими грехами. И уважает его не кто-то там из нас, смертных, а Сам Господь. Он и дар ему дал особый – познавать

чужие грехи и способность так обличать грешников, что они исправляются. Вот и получается, что, оставив внешнее священническое служение, Феофилакт продолжает внутренне, что ли... Воистину Божий избранник, Божий человек».

* * *

Тихо, упокоенно стоит на горе около града Михайлова Покровская женская обитель. Пасха. Весна, как добрая хозяйка, шьет-прошивает землю тоненькой зелененькой травкой, вышивает леса белыми ландышами, а поля желтеньким первоцветом.

У монастырской ограды сладко пахнут можжевельниковые кусты. Собор в честь Архистратига Михаила плывет своим высоким-превысоким куполом с золоченым крестом прямо к облакам. А в соборе идет причащение. И вдруг во время этого святого таинства насельницы переполошились, как куры, почуявшие лисицу, а игуменья растерялась до того, что даже прикрикнуть на них забыла. А все из-за того, что одна женщина, Марфа, подойдя к Чаше, закричала грубым мужицким голосом:

– Не надо меня жечь, не надо, я и так словно головешка!

И вдруг ее лицо на глазах у всех почернело, а потом словно пеплом покрылось. Двое крепких мужиков взяли Марфу под руки, попытались силой подвести к причастию, но не смогли.

Когда они отцепились от Марфы, она обмякла и, присев на лавочку у выхода, заплакала.

Подошел к ней юродивый Феофилакт и, подбоченясь, прокукарекал:

– Ку-ка-ре-ку, не царствуй лежа на боку! Причастие – это счастье!

– Да я-то об этом знаю. Бес не знает! А ты что, решил беса вразумить?! Так он тебя в бараний рог скрутит! Тебя, праведника. А уж я-то что могу с ним поделаться? Как мне освободиться от него?

Женщина судорожно задергала маленькими, слабыми плечами и по-детски расплакалась. Горючие слезы царапнули ее щеки.

Обнял Марфу отец Феофилакт.

– Не печалься, дочка, так шибко. Пойдем-ка, родная, сходим с тобой на могилу блаженного Прокопия. Уж он-то не оставит тебя в беде.

Бесноватая безропотно покорилась.

Отец Феофилакт привел Марфу на могилку Прокопия. На кладбище то ли липы пошумливали пасхальной воскресшей листвой, то ли, пролетая над вечным покоем, тихохонько шелестели крыльями невидимые ангелы. Феофилакт блаженно улыбнулся и сказал:

– Хорошо-то как, Марфута... Пасха, Воскресение Христово. «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый:

Христос бо воста, веселие вечное».

Потом юродивый иерей встал вместе с Марфой у креста блаженного Прокопия и стал читать молитвы. Что тут случилось с несчастной женщиной! Она упала на могилу, стала биться о нее головой, царапать землю, брать в горсть, жевать и выплевывать. При этом истошно кричала:

– Не хочу, не хочу, не хочу!

А по окончании молитв отца Феофилакта упала на спину и умерла... Недожеванная могильная земля со слюной вытекла из ее рта и застыла, словно малюсенькая черная ящерица.

Юродивый подошел к омертвевшей Марфе и воскликнул:

– Кукареку! Не царствуй лежа не боку!

И женщина стала подниматься, стала восставать из мертвых. Пасха! Ее лицо из пепельного сделалось розоватым, даже детским каким-то. Так воскресла Марфа.

– Слава тебе, угодник Божий Прокопий, – прошептала она с умилением и запела: – «Воскресение Христово видевше...»

С тех пор беснование оставило ее.

Этот случай дошел до слуха архимандрита Илария, настоятеля Покровского монастыря в Солотче, тогда еще затерянной в глухой лесной Мещоре.

Отец архимандрит пожелал встретиться с юродивым иереем. И как-то, будучи в Михайловской Покровской обители, пригласил его в свою келью для разговора. Поговори-

ли. А в конце беседы отец Илари́й заметил:

– Ты вот всего-навсего заштатный, негодящий священник, а считаешься повыше, чем я, архимандрит знаменитого, основанного самим князем Олегом Рязанским монастыря.

– Эка невидаль, – ответил иерей Феофилакт. – И разбойник может быть повыше архиерея. Вспомни-ка, кто первым в рай попал!

– Ну ты молодец! – рассмеялся отец Илари́й. – Только, говорят, не причащаешься?

Иерей Феофилакт, до этого корчивший дурковатую гримасу, посерьезнел и тихо вымолвил:

– Я всем говорю: без причастия нет счастья. А я счастлив. Значит – причащаюсь. И духовник у меня есть. У него исповедуюсь и в грехах каюсь.

– Грешен, значит... А считаешься праведником. Как так? Может, ты и мне, грешному, посоветуешь, как праведность стяжать? – спросил архимандрит Илари́й.

– Не царствуй лежа на боку...

Вскоре отца Илари́я перевели в Задонский Рождество-Богородицкий монастырь. Как-то была там на богомолье девица Надежда, послушница михайловского Покровского монастыря. Встретилась с отцом Илари́ем. Он вручил ей книжку творений святителя Тихона и сказал:

– Передай это в подарок иерею Феофилакту. И скажи, пусть он мне письмецо напишет.

Вернувшись в Покровский монастырь, Надежда передала юродивому книжку.

– Батюшка Феофилакт, – сказала она, – отец архимандрит просил вас письмецо ему написать.

– Наш архимандрит, наверное, хандрит... – задумчиво произнес юродивый, – а ты, Наденька, когда царствовать будешь, не лежи на боку.

Надя ничего не поняла, но вскоре получила от юродивого иерея написанное каракулями письмо к архимандриту Иларию.

Оно было написано на листке, который Феофилакт не считал нужным не только запечатать, но даже хоть как-то сложить. Так и передал раскрытым.

Надя, взглянув на листок, подивилась каракулям, которыми оно было написано. «Как курица лапой», – подумала она, вчитываясь в несколько нацарапанных строчек. А когда прочитала их, то пришла в недоумение. В письме было написано: «Ваше Высокопреосвященство и Высокопреподобие! Когда наши рязанские паломники придут в Соловецкий монастырь, вы уж их, как начальствующий, примите, и учредите, и обласкайте. А Надежду сделайте игуменией». «Чепуха какая-то, – подумала Надя. – Какое Высокопреосвященство? Какой Соловецкий монастырь? И, в конце концов, какая из меня игумения? Как можно передавать такое письмо уважаемому архимандриту? А ну как рассердится и прогонит с глаз долой?»

Задумалась Надежда: «А может, все ж таки есть здесь что-то, мне неведомое?.. Ведь этот Божий человек – предсказатель. Вот и создание Покровского монастыря под Михайловом он предсказал».

И вспомнилась Надежде слышанная недавно история о предсказании юродивого Феофилакта. Лет с десяток тому назад на месте Покровского монастыря была богадельня, в которой жило несколько девиц да стариц. Живал в ней и отец Феофилакт. И вот однажды взял он клубок ниток и стал делать замеры вокруг богадельни, приговаривая: «Здесь будет монастырская ограда». Потом набрал камушков, выложил их в центре своих замеров и торжественно объявил: «А здесь будет престол монастырского собора!»

И десяти лет не прошло, как Покровский монастырь перевели на место, которое обозначил иерей Феофилакт. Вспомнив об этом, Надя отбросила все сомнения и с оказией передала письмо отца Феофилакта архимандриту Иларию. Вскоре отца Илария перевели в Соловецкий монастырь наместником. А наместники там служили по архиерейскому чину. Вот и стал он на место Высокопреосвященного. А Надежда постриглась в монахини с именем Раиса и впоследствии стала игуменией Покровской обители.

И несли бремя священноначалия архимандрит Иларию и матушка игумения Раиса, помня наказ юродивого иерея Феофилакта: «Не царствуй лежа на боку».

Юродивый Феофилакт. Иерей Феофилакт Авдиевич Никитин. Род. 8 марта 1779 г. в с. Хитрованицина Епифанского уезда Тульской губ. в семье диакона Богоявленской церкви Авдия. Окончил духовную семинарию. Женился, имел двоих детей. С 1806 г. служил священником в родном селе. В 1808 г. числен за штат, «находясь в безумстве». Странничал. Часто проживал в михайловском Покровском женском монастыре. Скончался 30 авг. 1841 г. Погребен в с. Зимино Михайловского уезда Рязанской губ., напротив алтаря кладбищенской церкви.

Надо ли птичкой становиться?

Тульский мещанин Матвей Пляханов со своей супругой Клавдией допрашивали свою дочь, юницу Дуню, о том, с какой стати она собралась уходить в монастырь.

– Да посмотри ты на себя, Дунюшка, – увещевал ее Матвей, крестьянин-крепыш, от которого пахло ядреной махоркой. – Ты ж молодая, красивая, тебе замуж надо, деток рожать. Ну зачем тебе в монахини уходить?

– Да я, батюшка, в монахини-то, может, и не уйду, а вот девство свое соблюду. Может, Христовой невестой стану да тем и душу свою спасу.

Матвей, подивившись рассуждению, которое не ожидал услышать от своей дочери-тихони, взял себя в руки и умно заметил:

– А что, разве семейный человек свою душу не может спасти?

Дуня хорошо знала Евангелие и потому рассудила так:

– Почему не может? Может. Просто, по слову апостола Павла, безбрачным спастись удобней. Несвязанному, батюшка, удобней на пути к Богу, чем связанному.

– Удобное безбрачие... Думай, что говоришь! И к чему тебе монастырь?

– Батюшка, народ как говорит? Молитва да труд от греха берегут. В монастыре грешить некогда! А оттого душа ста-

новится как птичка Божия! И радость от молитв бывает... тихая, умирительная.

Тут Матвей задумался. Птичка Божия... Радость... В чем она? Вина да яств он накушался вдоволь. Женщину познал. Богатство, пусть небольшое, нажил. Почет и уважение заслужил. А вот радости, такой, о которой Дунюшка говорит, не имел. Лишь в храме Божиим после причастия невидимо вливалась она в душу, да и то, когда домой придешь и опять в заботы окунешься, с женой поссоришься, радость от причастия, как вода из решета, выливалась. А дочка-то верно говорит. В монастырях молитва да труд от греха берегут. И где она такой премудрости набралась? Видать, не зря ее с пятнадцати лет в Соловецкий монастырь на богомолье брали. Верно, там, в Преображенском храме, и преобразилась. Эвон какая богомольная выросла... Только ведь и в монастырях скорбей да болезней хватает. Здесь при случае хоть мы с матерью ее утешим, а там кто? Надо ли ей становиться Божией птичкой? Как бы крылышки наша Дунька не опалила, не упала да не разбилась.

– Ты, Матвеюшка, вот чего, – прервала его размышления жена Клавдия, – не в бордель же какой-то Дунюшка просится, не вертихвосткой хочет стать. Она ж за нас молиться будет. Грехов на нас целый воз да две тележки. Не отмолим мы их, не сможем.

– Это почему же не сможем! – вскинулся Матвей Пляханов.

– Не той закваски!

– А кто ж это заквашивает так, что одни могут отмаливать грехи, а другие нет?

– Сам знаешь Кто.

Подумал-подумал отец семейства и, встав, взял из божницы икону Христа Спасителя, подошел к дочери и сказал:

– Мать права, только Господь решает, кому в монастыре быть, а кому детей рожать. Я же благословляю тебя побыть в монастыре, подумать... И помни, что путь к мирской жизни тебе не заказан.

– И я благословляю, – украдкой смахнув слезу, промолвила Клавдия. – Только сходи сначала к юродивому Матюше, пусть он подскажет, в какой монастырь ты должна поступать.

* * *

Великим постом, синим, мерзлым днем Дуня встретила с тульским юродивым. Поговорила. Он вывел ее на улицу и вдруг лег на льдистую дорожку по направлению к городу Михайлову, и сказал:

– Туда тебе дорога.

И Дуня поняла, что ей предстоит поступить в Михайловский Покровский женский монастырь.

Собрала ей мама небольшую котомочку, и отправилась молодая красивая девушка в путь-дорогу.

В обители ее приняли радушно. Игуменья Елпидифора

назначила послушание у самой строгой монахини.

– Для духовной пользы, – сказала она Дуне, – надо научиться превозмогать себя.

Новая насельница старательно исполняла наказ игуменнии. Порхала по монастырю словно птичка. Прислуживая престарелым сестрам, носила им в кельи дрова, воду, стирала белье. Отличалась добрым нравом, кротостью и трудолюбием. Много молилась.

– Молитва и труд от греха берегут, – часто говорила она.

Особенно любила послушница Евдокия молиться у чудотворной иконы Богородицы «Взыскание погибших», которая находилась на столпе Никольского придела Покровского собора. Написали ее по желанию юродивого иерея Феофилакта. Однажды Евдокии рассказали о ней удивительную историю. Когда эту икону передали Феофилакту, он зашил ее в холстину, потом в другую, потом в третью. Для лика Богородицы вырезал в холстине круг, да так и поставил икону в своей келье, в селе Новопанском. Когда же спросили его, почему он в три холстины икону зашил, юродивый ответил:

– А это я на ней три ризы сделал.

Хотя икона «Взыскание погибших» и стала из-за холстин Феофилакта неблагообразной, однако по молитвам к ней исцелилась тяжело болящая купчиха Киселева. Случилось это так.

Однажды Киселева прибыла в келью иерея Феофилакта, почитая его за чудотворца.

– Батюшка, помоги, исцели меня своими молитвами, – просила купчиха юродивого.

Но он не стал молиться за нее, наказав ей самой искать исцеления.

– Молись, сударыня, Матери Бога нашего Иисуса Христа. Молись пред образом «Взыскание погибших».

Киселева послушалась и усердно помолилась пред зашитой в холстины иконой. Тогда-то и произошло чудо. Тяжко болящая женщина тут же почувствовала себя здоровой. В благодарность заказала купчиха для иконы хорошую ризу. А после того как святой образ по завещанию иерея Феофилакта передали в Покровский монастырь, для нее была сделана вторая, серебро-позлащенная риза.

Сколько чудесных исцелений было от этой иконы! В благодарность исцеленные пожертвовали для образа жемчужную ризу. Так сбылись слова юродивого иерея Феофилакта о трех ризах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.